

Конечно, ни в какую деревню Юлька ехать не собиралась. Вот ещё, позориться! По деревням на каникулы пусть приезжие расползаются, а коренным горожанам место на даче или на заграничном курорте — людей посмотреть, себя показать. Тем более что недавно на распродаже в фирменном магазине удалось урвать последнюю пару сногшибательных босоножек на платформе, которые сидели на ножке так, что закачаешься. Самое то — пройти в новых босоножках по морской набережной, чувствуя себя морской нимфой, прекрасной и недоступной. Да и мама дала понять о солидном поощрении за сданную без хвостов сессию.

С началом лета все девчонки-однокурсницы приходили на сессию в обновках и упоённо трещали о приближающихся каникулах.

— Ветер странствий выдул из пустых голов студентов остатки знаний. Ставлю зачёты только из чувства самосохранения, — с грустью констатировал профессор Орленко, вытирая пот с крутого лба, пересечённого морщинами.

Слова Орленко к совести не воззвали, потому что вместо выгрызания знаний из гранита науки студенты с головой погрузились в обсуждение предстоящих поездок.

— В Сочи дорого, в Абхазии опасно, на Украине с билетами плохо. Остаётся Турция,

Кипр или Египет, — деловито переговаривались между собой однокурсницы, прикидывая, кто куда поедет.

Манерная Ленка Комкова как бы невзначай упомянула, что приглашена на недельку в Швейцарию к одному молодому человеку, который собирается предложить ей руку и сердце.

— Не знаю, ехать или нет, — на всю аудиторию откровенничала конопатая толстуха Ленка, поигрывая кисточкой на новой сумке из тиснённой кожи. — Говорят, что в Швейцарии хозяева дома обязаны каждую неделю стричь кусты на своём участке и мыть тротуар перед домом. А у моего Мишеля вилла с садом: работы — непочатый край.

— Так тебя туда садовником приглашают? — не выдержала Юлька.

— Ты и рада хотя бы садовником, да никому не нужна, — обрезала Комкова.

Она выразительно повела глазами на Свербицкого, что-то нашёптывающего на ухо Лизке Вахрушевой. А та то и дело широко распахивала глаза и по-лисьи облизывала губы, словно собиралась проглотить Валентина вместе с ноутбуком.

— Очень надо.

Юлька небрежно поправила волосы и с трудом заставила себя выдавить беспечную улыбку.

— Ну, не скажи, — проговорила Комкова, не понижая голоса, — весь курс знает, что ты положила глаз на Свербицкого.

Желание треснуть Комкову по голове стало таким нестерпимым, что Юлька зажмурилась и принялась считать до десяти, надеясь остыть и не сорваться на сцену, которую сплетницы стали бы с упоением обсуждать до самых каникул.

— Раз, два, три...

Краем глаза Юлька заметила, как на неё уставилось несколько пар глаз, а подружка Катя делает ей знаки замолчать.

— Да, кстати, Румянцева, ты уже решила, куда едешь отдыхать? Небось, как все, в Турцию? — оторвал её от счёта голос Вахрушевой.

Лизка в костюме цвета хаки стояла около сидящего Валентина, положив ему руку на плечо в позе «я с Мухтаром на границе». На её остреньком личике явно читалось желание побольнее уколоть Юльку, а кривая улыбочка подсказывала, что каверза уже продумана.

Не торопясь и сосчитав два раза по десять, Юлька хотела было ответить утвердительно, тем более что действительно собиралась в Анталию, но промолчала. Вахрушева действовала на неё всегда таким образом, что у Юльки возникало желание всё говорить и делать поперёк. И если бы Лизка вдруг восхитилась, какого насыщенного цвета алая блузка, надетая на Юльке, то та тотчас возразила бы, что блузка зелёная.

— Смотри, смотри, сейчас будет цирк, — уловил слух чьё-то тихое перешёптывание, и Юльке

стало так противно-противно, словно она вляпалась пальцами в липкое месиво.

Ну нет! Она никому не доставит удовольствия посмеяться над собою. Раскрасневшись от внезапно принятого решения, Юлька сообщила, что едет в глухую деревню Подболотье.

— Вот это да!

Кисточка от сумки Комковой, оторвавшись, шлёпнулась об стол, рука Лизки соскользнула с рубашки Свербицкого и, сжав кулачок, подпёрла талию, а подруга Катя удивлённо подняла плечи.

Это был Юлькин звёздный час. Вмиг почувствовав себя на высоте положения, она небрежно откинулась на стуле и снисходительно пояснила:

— Отстали вы от жизни. На курорты в наше время ездят пожилые тётки и малолетки, а креативные люди предпочитают экстремальный туризм.

Слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Волей-неволей, кляня себя за длинный язык, вечером пришлось сообщать родителям, что она решила ехать в Подболотье к Фее с дедом.

«На неделю, не дольше, чем на неделю, а потом на курорт. И волки сыты, и овцы целы», — мысленно уговаривала она сама себя, глядя, как мама отставила в сторону утюг и радостно закричала в сторону дивана:

— Слышишь, Олег? Юляша решила присоединиться к Фее с дедом. Значит, на отложенные деньги в Турцию поедет мы с тобой!

Согласное бурчание отца прозвучало для Юльки ударом молота, заколачивающим крышку гроба с безвременно усопшими каникулами. Такой подлости она не ожидала. Ну, всё! Пропало лето.

Сварив себе чашечку кофе, Юлька заперлась в комнате и, вдыхая крепкий аромат, принялась страдать, не забывая, однако, поглядывать в зеркало, отмечая, как она выглядит со стороны. Следы драмы красиво оттенили глаза тёмными полукружьями и высветлили щёки, подчеркнув нежную линию пухлых губ. Отвлечённо подумалось, что если бы сейчас эту грустную девушку из зеркала мог увидеть Валентин Свербицкий, то Вахрушева мигом улетела бы за горизонт.

«Подожди, Елизавета, приеду из деревни и утру тебе нос. Валентин будет мой», — мстительно пообещала Юлька, включая компьютер.

Подумав, что в деревне наверняка нет Интернета и, упаси Боже, компьютера, Юлька застонала и, положив руки на клавиатуру, принялась дробно выстукивать на своей страничке «ВКонтакте»:

Прощайте, други! Решила оторваться по полной и рвануть на природу. Устала от города, шума и суеты. Хочу с головой окунуться в тишину леса и утонуть в озёрной глади.

Красиво сказано. Пусть приятели узнают, какая она романтическая натура. Немного полюбовавшись на написанное, Юлька подумала,

что утонуть она всё-таки не хочет. Ещё поймут как попытку суицида и назовут ненормальной. Она переписала последнюю фразу, и получилось ещё лучше:

Хочу с головой окунуться в тишину леса и утонуть в озёрной глади любимых глаз.

Едва палец успел отправить послание, как последовал ответ от острого на язык парня под ником Сеня:

Я тебе завидую.

«Завидуем! Здорово! Ты — молодец! Ждём фоток!» — со всех концов страны валились ответы от виртуальных друзей, поднимая градус Юлькиного настроения, но всё-таки не настолько, чтобы ей действительно захотелось в это Подболотье.

Коротко взрыднув, Юлька утёрла злые слёзы и завалилась спать, мысленно вычёркивая из жизни приближающиеся каникулы. Если бы она сослала себя в деревню с подругой Катюхой, ещё куда бы ни шло. Но провести лето с никчёмным братом Федькой, похожим на игрушечного пупса, и с дедом, который поучает её на каждом шагу... От одного этого можно с ума сойти.

А уже через неделю студентка четвёртого курса Юлия Румянцева с отвращением оглядывала завалившийся набок бывший железнодорожный магазин на станции Глубокое, понимая, что её новые босоножки и брендовые джинсы здесь никто

не оценит. Разве что тот парень с автолавки, которого стрелочница посоветовала попросить подвезти её до Подболотья. Кажется, его зовут Генка.

«Генка! Какая пошлость!» — фыркнула про себя Юлька и, волоча за собой чемодан на колёсиках, нехотя пошла к жёлтому фургону, презрительно глядя на тощего и лопухого парня, протиравшего грязной тряпкой лобовое стекло.

* * *

Тряпка ездила по стеклу, ещё больше размазывая серую грязь, и Генка подумал, что надо бы сыпануть на неё немного стирального порошка, да и вообще не мешало бы вымыть машину. Но он так выматывался, что сил хватало только на то, чтобы добраться до дома, перекидать из фургона в холодильник скоропортящиеся продукты и завалиться спать. Даже телевизор не включался уже месяца два, с тех самых пор как в деревнях стало прибывать население и нехитрый товар автолавки разгребали с колёс.

Да ещё это пекло распроклятое. Торчишь в раскалённой кабине, как переспелый помидор в парнике: кожа красная, сок капает, а жар не убывает. Он смачно плюнул на прилипшую муху, потому что лень было тянуться за бутылкой воды. В боковом стекле увидел незаметно подошедшую фифу в таком наряде, что для выражения своих чувств Генке пришлось плюнуть на стекло ещё раз.

Девушка, кстати очень симпатичная, вырядилась в короткие белые шорты, малиновую майку, рыбьей чешуёй отблескивающую на солнце, и босоножки на такой гигантской платформе, что казалось, к ногам привязаны два утюга.

— Привет, — сказала девушка, долбанув чемоданом по колесу машины.

— Привет.

Тряпка продолжала возить по стеклу, но до бутылки с водой Генка всё-таки дотянулся и обильно оросил присохшую грязь. Дело пошло быстрее. Девушка выжидающе молчала, полагая, что хозяин фургона кинется предлагать ей свои услуги.

Стекло наконец заблестело, и Геннадий удовлетворённо нырнул в кабину, не обращая на девушку никакого внимания. Хочет стоять у машины — пусть стоит, место не купленное. Как только рука водителя уверенно легла на руль, а нога надавила на педаль сцепления, девушка заявила тоном, каким иные невежи подчас разговаривают с таксистами:

— Мне до Подболотья.

— И что? — Неопределённо пожав плечами, Голубев выкинул палец в направлении леса: — Вам туда. Через десять километров дойдёте до места назначения.

Выговаривая это, Генка кинул косой взгляд на лицо девушки, заметив, как её ресницы дрогнули, а брови сурово сошлись к переносице.

— Как это «дойдёте»?! — Девушка с возмущением уставилась на Генку, словно он предложил

ей что-то неприличное, и выпалила без всякой связи: — Я же девушка!

— Неужели?

Считая разговор оконченным, Генка повернул ключ зажигания, в душе понимая, что, конечно, как миленький подвезёт настырную фифу. Куда она поковыляет на таких копытах? До Подболотья и в резиновых сапогах не каждый день пройти можно. Но уж очень хотелось осадить заносчивую девицу, считающую себя выше других.

Звук мотора подействовал на приезжую отрезвляюще, и возмущённое выражение на хорошеньком личике сменилось удивлённым, а затем и растерянным. Оно очень шло девушке, делая её простой и доверчивой.

— Ладно, залезай! — Вздохнув, Голубев открыл ручку соседней двери, приглашая пассажирку на сиденье.

— Спасибо.

Напрягая руки, фифа принялась запихивать на сиденье серебристый чемодан размером с половину хозяйки.

Генка нехотя сполз с сиденья, вытирая со лба выступивший пот, — пока он грузил товар, солнце почти достигло зенита и палило немилосердно — и сказал:

— Давайте помогу.

Чемодан весил килограммов тридцать, и когда Гена завалил его набок в кузов, поместив среди

банок с зелёным горошком и лотков с хлебом, девица взвизгнула:

— Осторожнее, не поцарапайте!

Пересиливая желание оставить чемодан вместе с девицей прямо на дороге, Голубев выразительно хмыкнул и молча вернулся на своё сиденье, дожидаясь, пока пассажирка устроится рядом, надменно сопя, словно он своим обшарпанным фургоном намеренно оскорбил её достоинство.

Думая о том, как повезло девушке, что именно сегодня он едет в Подболотье, Геннадий надавил на газ и направил фургон по узкой дороге.

Малярша баба Лена просила привезти сухешек и пару пачек пилёного сахара для дачников, а сёстры-кандидатши деликатно намекнули, что не отказались бы от палочки-другой полукопчёной колбасы, до которой они были большими охотницами.

Колдобина шла за колдобиной, машина громыхала и пыхтела, издавая жалобный скрежет, но девица не жаловалась, видно, решила, что шофёр специально испытывает её терпение, и дала себе зарок не показывать слабость.

От девушки нежно пахло мандаринами, и если бы не злое выражение тонкого лица, то Голубев мог бы признать, что она ему понравилась. Впрочем, скоро ему стало не до пассажирки, сверкающей голыми коленками, потому что фургон подъехал к торфяной дороге, вспучивающейся

под колёсами зыбким месивом. Генку всегда настораживал этот участок дороги, таящий в себе что-то тёмное, неизведанное. Поговаривали, что много лет назад именно здесь ушёл под землю трактор местного лесничества, провалившись в пустоту, которая скрывалась под слоем торфа. Чуть съедешь с дороги или занесёт на мягком грунте — и крышка. Пойдёшь знакомиться с конницей Чингисхана.

Когда машина, сбросив скорость, осторожно объезжала опасное место, девица разомкнула губы и небрежно поинтересовалась:

— Скажите, а в этом Подболотье много молодёжи?

— Молодёжи?!

От неожиданного вопроса нога Голубева даванула на газ, и машина, резво пробуксовав колёсами, села на брюхо.

— Приехали! Станция Березайка, а ну-ка вылезай-ка, — ядовито сказал Генка и сообщил: — Будете рулить.

Лучше бы он не говорил этих слов, потому что фифа, пулей вылетев из кабины, упёрлась глазами в его лицо и, трясясь от негодования, выпалила:

— Знала бы, что с таким чайником еду, — пешком пошла!

— Скатертью дорога.

Мрачное лицо Генки не предвещало ничего хорошего, и девица смягчила тон, видимо,

сообразив, что при плохом раскладе ей несколько часов топтать до Подболотья.

— Я не умею водить машину.

— Я покажу. Это несложно.

Усадив пассажирку на водительское место, Голубев в нескольких словах объяснил, что делать, с сомнением глядя на высоченную платформу босоножки, водружённую на педаль газа.

Обойдя машину, он привычно налёг плечом на задний борт фургона, напрягая мышцы до хруста в суставах. Не беда, не в первый раз. В весеннюю распутицу он на этом же месте так засел, что плечи были чёрными от синяков и болели руки, когда он раздавал привезённый товар.

— Издержки профессии, — рассматривая Генкины кровоподтёки, сокрушённо подводил итог отец Георгий, с которым он в редкие свободные минутки ходил порыбачить на озёра.

Они понимали друг друга без слов, потому что отец Георгий знал местные дороги как свои пять пальцев и не раз, закатав рясу и стоя по колено в грязи, выталкивал свой жигулёнок из обширных луж и болот.

Раскачиваясь из стороны в сторону, кузов мелко дрожал под руками, которые моментально стали мокрыми.

— Давай!

Машина содрогнулась и, чавкнув колёсами, жуком выползла из низины.

— Молодёжь, говоришь? — утирая пот и переходя на «ты», вспомнил Генка. — Через полчаса приедем, и будет тебе молодёжь.

* * *

В Подболотье ожидать Генку начали ещё с вечера. Автолавка была единственным мостишком, перекинутым между заброшенной деревней и цивилизацией под названием райцентр, поэтому каждый приезд фургона становился маленьким праздником, к которому готовились с волнением.

Старушки Кулик подкрашивали губы, баба Лена на всякий случай варила компот, вдруг Геннадьюшке захочется попить, Галина Романовна с утра пораньше занимала пост на скамейке под кустом, чтобы первой увидеть, как, выруливая из леса, подпрыгивает на грунтовке весёленький жёлтый фургончик. Валентина караулила автолавку у избы, а Катька-почтальонша вешала на костыли авоську для продуктов, чтобы не забыть дома.

Из всех обитателей деревни Подболотье не ждали фургон только за высоким забором с колючей проволокой.

Зимой Генка возил продукты два раза в месяц после разутюживания дороги старым лесхозовским трактором, а летом старался навещать раз в неделю, по четвергам. С утра

пораньше затоваривался у оптовика Семёна Васильевича, потом тряся по зыбкой дороге, расторговывался в Подболотье и держал путь дальше, в следующую деревню, в которой осталось два жилых дома.

Выручка копеечная, мороки много, но Голубев знал, что если он не приедет хоть раз — привычный уклад жизни в деревне рухнет. Однажды по весне он банально проспал и в Подболотье попал уже к вечеру, нащупывая фарами дорогу в лесу. Бабки ждали. Все шесть. Чинно сложа руки на коленях, они сидели на бревне за околицей и не сводили глаз с дороги. Когда Генка был мальчишкой, так настороженно и тоскующее ждала его из школы собака Бойка.

— Ну что ж ты, баба Лена, мне не позвонила? — с ходу попенял он тогда малярше — единственной обладательнице мобильного телефона, который он сам же ей и дал на всякий пожарный случай — «скорую», например, из райцентра вызывать.

Пожевав губами, шустрая баба Лена жалко скукожилась и что-то пробормотала про то, что негоже зазря людей беспокоить, у них есть свои дела, а глядя в заплаканные глаза бабы Вали, моргающие от света фар, Геннадий понял, что больше он задерживаться не будет.

— Приехали в Подболотье, — возвестил Голубев городской фифе и добавил: — А вот и молодёжь подошла.

В окне мелькнули несколько старушек и дед с Федькой. Юлька лихорадочно полезла в карман за расчёской, приготовившись так грациозно выпрыгнуть из машины, чтобы все ахнули от восхищения. В поисках сверстников она обвела глазами убогую улицу с покосившимися домами и поняла, что кроме бабок и брата с дедом рядом нет ни одной живой души.

Ехидная ухмылка шофёра усилила неприятное предчувствие, стёршее с Юлькиного лица надменное выражение.

«Неужели я влипла?»

Навстречу ей плыли старушечьи лица. Морщинистые, тёмные, беззубые, раскрасневшиеся от жары, они казались враждебной силой, ненавидящей всё молодое и крепкое. Их голоса были похожи на скрип несмазанной двери, а морщинистые руки, тянущиеся к машине, вызывали в Юлькиной душе чувство протеста перед природой. Нет! Она такой не будет никогда!

Самым противным было то, что бабки беззастенчиво осматривали её с ног до головы, словно куклу в витрине магазина, да мало того что глазели, ещё и позволяли себе подтрунивать:

— Генушка, сынок, скажи, кого это ты к нам привёз? Никак невесту?

Предположение старух, что она может оказаться невестой неопрятного деревенского парня с торчащими ушами, казалось возмутительным, и внутри Юльки всё кипело.

— Хороша, ничего не скажешь! Ишь, глазами так и зыркает!

Если бы не мысль, что обратно топать по грязной дороге десять километров, Юлька без звука рванула бы обратно, и пусть Лизка Вахрушева задавится своими комментариями.

Но шум старушечьего щелбета перекрыл голос деда:

— Это моя внучка Юлечка! Очень хорошая и добрая девушка.

Было заметно, что за короткое время дед сумел завоевать себе авторитет среди местных жителей, потому что бабки разом замолчали и стали смотреть приветливее, а сухая старушонка в розовом халате с зайцами сунула ей худую ладошку:

— Баба Лена.

— Юлия, — автоматически пожала руку девушка. Она неестественно выпрямила спину, ловя на себе осуждающие взгляды.

— Ишь вырядилась, — громким шёпотом сказала длиннолицая старуха, которую баба Лена называла Валькой, — постыдилась бы в приличном обществе голыми лытками сверкать. — И, переменив тон, выкрикнула: — Геннадьюшка, соколик, ты не забыл мне лекарства привезти?

— Не забыл, баба Валя.

Из кузова автолавки в руки старухи перешла картонная коробка, и Юлька отпрянула в сторону, кинувшись к деду с братом, словно утопающий к спасательному кругу.

Угрюмый в городе, дед в деревне выглядел цветущим здоровяком с румянцем во всю щёку. Старые синие шорты и дырявая майка, перепачканная на животе землёй, шли ему гораздо больше шерстяных брюк и жилетки со множеством карманов.

Дед любовно поцеловал её в щёку:

— Умница, умница, что приехала!

А Федька, улыбаясь во весь рот, выхватил из рук чемодан на колёсиках, и Юлька в первый раз за всю жизнь вдруг заметила, какие славные у её брата глаза: мягкие и глубокие, как дымчатое стекло.

— Юлька, здесь так здорово! Ты не представляешь!

Глаза брата горели восторгом, он взахлёб принялся пересказывать, как они с дедом чинят бабе Лене забор, а потом планируют подлатать заборы и остальным старушкам, как он научился работать топором и как в омуте тонул лось.

Рассказ про лося требовал подробностей, в которые Юльке не хотелось вдаваться. Федька трещал без умолку, уверенно катя чемодан по тропке, а она смотрела в спину брату и с тоской думала, что он несёт сущий вздор. Ничего хорошего в деревне быть не может. Деревня и есть деревня.

Новые босоножки, на которые деньги копились полгода, на глазах покрывались пылью, а расшитая пайетками майка выглядела смешно и нелепо, словно ёлочная игрушка на майской

берёзе. А она, дура, натолкала в чемодан свои лучшие наряды! А тут небось даже Интернета нет. Жуткая мысль заставила её закусить губу и срывающимся голосом выкрикнуть Федьке вопрос:

— Федь, а интернет-клуб тут где-нибудь есть?

Брат обернулся:

— Да ты что? Тут и телевизора-то нет! Вернее, есть у сестёр Кулик, но там только три программы.

Прощайте, прощайте, френды, ожидающие фоторепортажей, новости в «Живом Журнале» и общение на форуме! Жизнь теряла смысл.

— А бабули тут хорошие, — продолжал гудеть Федька, — они тебе понравятся, вот увидишь. Я не знаю только одну, ту, что живёт за забором с колючей проволокой. Там какая-то тайна.

— Тайна? — неожиданно заинтересовалась Юлька, обрадованная, что нашлось хоть какое-то развлечение.

— Ага, тайна.

— Ну, эту тайну мы раскроем! — уверенно пообещала сестра. — Надо же чем-то заниматься. Поем, обустроюсь, и расскажешь мне обо всём.

* * *

Подболотские старухи вставали рано и с самого утра начинали перекликаться друг с другом, повышая голос до уровня шума самолётного двигателя:

— Валька, а Валька, ты жива?

— Жива! Только спину разломило, мочи нет! — неслось в ответ через несколько домов.

Вслед за переключкой начинала звякать колодезная цепь, истошно лаять приبلудная собачонка бабы Кати — почтальонши, а сама почтальонша, стуча костылями, ковыляла к бабе Лене чайку попить и обсудить последние новости.

Шумная возня старух Федыке спать не мешала: за день он так уставал, что спал без просыпу. Но тихий щелчок замка на Юлькином чемодане он услышал сразу. Федыка приблизил глаз к дырке в пологе и увидел сестру. Она медленно перебирала вещи, прикидывая на себя то одно, то другое, словно собиралась на вечеринку.

— Ты куда?

Яростно перекопав ворох цветных тряпок, сестра нашла что-то золотистое и пробормотала:

— Я им покажу.

— Кому?

Ответ Юльки был короток и информативен:

— Старушенциям!

«Чего это она взбесилась?» — удивлённо подумал Федыка.

Спать легли вполне мирно. Долго пили чай с сушками. Дед рассказывал, как ему хорошо в деревне, баба Лена чинно сидела, сложив руки лодочкой, и согласно кивала головой на каждое слово деда, а Юлька в свою очередь пояснила, что продвинутая молодёжь считает — в Турцию

ездить немодно, и туда поедут родители, прикупив горящую путёвку.

От Юлькиных отрывистых реплик сон мгновенно улетучился, и теперь Федьке захотелось узнать, в чём причина необузданной злости.

— Ты чего, Юль?

Секрет раскрылся просто.

— Ты послушай, что они говорят!

Сестра кивнула головой на дверь, из-за которой раздавалось позвякивание чашек и разговор:

— И не говори, Лена, в наше время так девки не ходили, — как в пустой бочке гудел бас Катки-почтальонши. — Попробовали бы мы с голым брюхом прогуляться, да в таких туфлях, что мои костыли, — мать живо хворостиной отходила бы.

— Нынешние матери не отходят, — философски ответила баба Лена, — им некогда детей воспитывать. Они то работают, то телевизор смотрят.

— Во-во, — загудела почтальонша, — распустили молодёжь. Работать не хотят, учиться не хотят, сидят на шее у родителей, один компьютер на уме.

Хотя разговор напрямую Юльки не касался, Федька понял, что она приняла слова на свой счёт и завелась не на шутку.

— Я... я... — захлебнувшись от возмущения, Юлька снова погрузила руки в чемодан и пригрозила: — Я нарочно так выряжусь, что они все ахнут!

Лихорадочно выудив ядовито-синие блестящие леггинсы, сестра в одно мгновение напялила

их на себя и, повернувшись к Федьке спиной, облачилась в коротенький топик, едва прикрывающий грудь.

— Ну как?

Федька снова приблизил глаз к дырке и скривился. Юлька была похожа на диковинную русалку или, если точнее, на пёструю рыбу-попугай из рекламы океанариума. Довольная молчанием брата, Юлька зачесала волосы наверх, соорудив из них что-то наподобие гребня, вставила в уши по пять серёг и решительно шагнула в кухню.

— Ты, помнишь, Лена... — Голос бабы Кати оборвался, и в доме наступила тишина, прерываемая тиканьем ходиков.

Получилось как в цирке, когда клоун выходит на арену: сначала зрители молчат, силясь осознать происходящее, а потом раздражаются аплодисментами.

Федька хотел даже выбраться из кровати, чтобы успеть ухватить самое интересное, но услышал только, как хлопнула входная дверь. В окне мелькнул Юлькин ирокез из русых волос.

— Дедуля, я на речку.

Уставившись в окно, Федька увидел, как дед, строгавший какую-то деревяшку, невозмутимо поднял голову, осмотрел Юлькин наряд, но ничего не сказал и снова занялся своей работой.

«Кремень, а не дед. Его Юлькиными нарядами не проймёшь!» — восхитился про себя Фёдор, решив, что настало его время идти завтракать.

Баба Лена с вечера обещала ему яишенку стукнуть. Как он и угадал, на сковородке лимонным желтком пузырилась яичница, а из чайника густо пахло чаем со смородиновым листом.

— Вот парень молодец, хорошего воспитания, — заявила баба Катя, завидев Фёдора, — не то что сестра.

Отставив костыли в сторону, она подобно горе возвышалась напротив шуплой бабы Лены и, растопырив пальцы, прихлёбывала чай из глубокой тарелки для супа.

— Чтоб быстрее остыл, а то и так жарко. Семь потов сойдёт, пока допьёшь, — пояснила старуха, уловив Федыкин взгляд.

Она с силой дунула в тарелку, разогнав мелкую рябь кипятка, и шумно втянула в себя содержимое. По бледному лицу бабы Кати с тремя подбородками сразу становилось ясно, что жару она переживает с трудом. То и дело, отставив тарелку с чаем, старуха через юбку гладила руками распухшие коленки и, отдуваясь, утирала мокрый лоб.

Федька уже знал, что сейчас баба Катя, вытянув губы трубочкой, с умилением примется рассказывать о своих детях. Это был привычный утренний ритуал, который баба Лена, наизусть знавшая про Люсеньку с Жориком, пропускала мимо ушей.

Но Федька ещё не успел выслушать про детей бабы Кати от слова до слова, поэтому ему

приходилось принимать огонь на себя. Выхлебав из тарелки последнюю каплю, баба Катя двумя пальцами поймала на губах чайнику, обтёрла руку о застиранный фартук в цветочек и откинулась на стуле, мрачно подведя итог обстановке в обществе:

— Да, нет сейчас в молодёжи воспитания и почтения. Не знаю, куда смотрят родители. — Она сурово взглянула на Федыку, и он, торопливо пихнув в рот кусок яичницы, согласно кивнул головой. Удовлетворённая его жестом баба Катя продолжила: — Вот я и говорю. Не умеют нынешние родители детей воспитывать. То ли дело мои Люсенька с Жориком! Уж такие славные ребята, такие уважительные. Я для них ничего не жалела. Не доедала, не допивала, но новое платьице Люсюшке всегда справляла, да и Жорика не обижала: что просил — всё получал. Да не завалящее, а самое лучшее. Люсенька моя замуж за богатого вышла. Ох за какого богатого! — Баба Катя сделала паузу и в восхищении закатила глаза. — А уж какая у них компания подобралась: одни банкиры и предприниматели. Все люди интеллигентные, образованные. Люся мне так и сказала: «Ты, мама, нас не позорь, сиди и молчи. О как! В люди моя дочушка вышла, деревенские ей теперь не ровня».

Горделиво расправив плечи, баба Катя забросила в рот кусок сахара и с шумом засосала, переходя к воспоминаниям о сыне:

— А Жорик мой, тот сызмальства был увёртыш — из любой беды вывернется. Вот когда он выучился и пошёл в банк работать, то сразу разбогател. В газетах про него много писали, что вор он. Но это всё враньё! Жоренька наветов слушать не стал, а собрал вещички да и уехал в Канаду, а после к нему уже и Люсенька перебралась. Там, в Канаде, у них дома огромные, с нашей полдеревни будет. — Рассказчица обвела рукой избу, показывая, какие огромные дома у Жорика с Люсенькой. — И меня детушки не забыли — позаботились, чтоб мне хорошо было. Перед тем как уехать, Жорик самолично меня сюда отвёз и тысячу долларов мне оставил. На проживание, значит. Я тебе, Феденька, сейчас его фотокарточку покажу.

Дряблая рука с раздувшимися, словно сосиски, пальцами скользнула в карман фартука и вынула на свет яркое фото, заботливо обернутое в полиэтиленовый пакет. Молодая полная женщина с теннисной ракеткой в руках обнимала за плечи одутловатого мужчину в белом костюме.

— Это Люсенька, а это Жорик. Правда, красавчик?

Глаза бабы Кати легко подёрнулись влагой, а голос зазвучал тише и мягче, словно его смазали сливочным маслом. Развернув стул, старуха села прямо напротив Федьки, давая понять, что желает немедленно осчастливить его рассказом о детстве Жорика. Делать было нечего.

Загнанный в угол Федька глубоко вздохнул, приготовившись слушать бабу Катю, но дверь внезапно распахнулась, как от порыва сильного ветра, и влетевшая в кухню Юлька не своим голосом заорала:

— Зайцы! Зайцы!

* * *

Растрёпанный ветром ирокез на Юлькиной голове выглядел так, словно её волосы от ужаса встали дыбом, а озадаченное лицо деда, маячившее за спиной сестры, доказывало, что произошло что-то серьёзное.

— Какие такие зайцы, мои, что ли? — лягушкой выпрыгнула из-за печки баба Лена и громко заохала: — Уж я их рисовала-рисовала, две банки краски извела! Что с ними такое стряслось?

— Не ваши, — раздосадованно замахала рукой Юлька, — настоящие!

— Настоящие?

С набитым ртом Федька ужом проскользнул между Юлькой и дедом и, опережая всех, выскочил на крыльцо, замерев от неожиданной картины: прямо по деревне из леса скакали зайцы. Один, второй, третий... десятый.

Пружина тела, зверьки скачками двигались вдоль улицы, то и дело шараясь в кусты, но вскоре снова выпрыгивая и продолжая путь в дальний лес с другой стороны Подболотья.

Никогда прежде Федька не видел живого зайца так близко. На картинках косые выглядели иначе: маленькие, уютные, пушистые. Настоящий же заяц, размером с небольшую собаку, казалось, состоял из одних жил, обтянутых неровно окрашенной шкурой грязновато-коричневого цвета.

Было в этом бегстве что-то неестественное, непонятное и оттого тревожное. Люди, не смея пошевелиться, молча смотрели вслед зайцам, пока баба Катя не стукнула костылём о пол:

— Ох, не к добру это. Мать рассказывала, такой гон как раз перед войной был, когда я в люльке качалась. Животные, они всякую беду наперёд чуют.

Баба Лена мелко-мелко закивала в знак согласия и закрестилась на восток:

— Спаси, Господи, и сохрани супротив всякого обстояния.

— Вот к чему приводит невежество, — раздался от калитки высокий голос Надежды Степановны. — Сколько раз я тебе, Елена, доказывала, что Бога нет, а ты всё крестишься. Ну подумайте сами: какое отношение имеет Иисус Христос к напуганным зайцам? — Старушка выступила вперёд из тени куста и оказалась посреди двора.

Сегодня она связала косицы пучком и стала похожа на тощую белку, перебирающую лапками в поисках орешка. Только вместо орешка Надежда Степановна держала пустую банку.

— Николай Петрович, вы же образованный человек, как вы можете мириться с такой косностью? — обратилась она к деду. — Подтвердите, что Бога нет! Мы с Надеждой Степановной устали бороться против религии в одиночку.

Федька метнул на деда испытующий взгляд. Он заметил, что Юлька тоже приоткрыла рот в ожидании дедова отклика, одновременно пристально разглядывая неожиданную гостью. Дед кашлянул, и Федька предположил, что сейчас последует шутка и дед сведёт спор к веселью. Но прозвучавший голос не содержал и тени шутки.

— Любезная Надежда Степановна, не могу поддержать вас в вашей убеждённости и уверен, что верующие имеют полное основание на свои взгляды. Никто не доказал, что Бога нет.

— Как не доказал? — От возмущения старушка выронила банку на землю, и она покатилась по траве, испугав кошку Рыжку. — Я доказала. Я защитила диссертацию по научному атеизму!

Воинственно подняв подбородок и переступив через свою банку, Надежда Степановна подошла вплотную к деду и выпалила:

— Нет ни единого доказанного свидетельства того, что человек видел Бога.

— Но ведь и ум никто не видел, — парировал Николай Петрович, — и совесть понятие нематериальное, но они есть, и вы не можете этого отрицать!

— Игра словами, любезный друг. Большинство учёных твёрдо стоит на позициях материализма. Могу назвать множество знаменитых имён...

— Не трудитесь, Надежда Степановна, я тоже могу назвать вам фамилии учёных, которые искренне веровали. Взять, например, Ломоносова или Исаака Ньютона. Наверно, и про профессора гнойной хирургии архиепископа Луку Войно-Ясенецкого вы слышали?

«Ну и дед! — ахнул про себя Фёдка. — Откуда он столько знает? Так и режет, так и режет!»

Побледневшие щёки Надежды Степановны дрогнули от негодования.

— Не ожидала встретить в вас идеологического противника. Ладно серые старухи, не получившие образования, — она махнула рукой на дёрнувшуюся от обиды бабу Лену, — но вы, мужчина, инженер, и верите в боженьку!

Последние слова Надежда Степановна договаривала скороговоркой, пятясь назад к калитке, словно опасаясь, что баба Лена выльет ей на голову кадку воды или баба Катя огреет костылём. Дед прищурился и поднял голову к небу.

— Верите вы в восход солнца или не верите, но оно восходит. — И, поворачивая разговор в другое русло, Николай Петрович добавил: — Похоже, жара спадать не собирается.

— Нет силушки, спарились всей деревней, как окуни в ухе, — подхватила беседу баба Катя, запирая калитку за уходящей Надеждой Степановной.

Скрипя костылями, она медленно отошла в тень и, пройдя несколько шагов, остановилась:

— Ну, Петрович, ты даёшь! Лихо Куличихе рот заткнул. — Потом, переведя взгляд на Юльку, с хитринкой сказала: — А ничего у тебя внучка, справная. Её бы подстричь, как мою Люсеньку, может, и на человека станет похожа.

От сомнительного комплимента Юлька вспыхнула, как растопка в бабы-Лениной печке, и если бы дед упреждающе не положил ей руку на локоть, баба Катя наверняка услышала бы много интересного из лексикона современной молодёжи.

— Молчи, молчи, — сделал Юльке круглые глаза Фёдка, — чего с бабкой связываться! Пойдём я тебе лучше покажу старинную тетрадку, которую мне старушка Кулик подарила. Вот эта, что с дедом спорила, — он припомнил слово, — атеистка.

— Старинную тетрадку? — В Юлькиных глазах промелькнул интерес. — Покажи. А что там?

— Советы рабочему тракторного цеха. Про крюки и механизмы, — гордо сообщил Фёдка и похвастал: — Представляешь, как интересно?

Бросив на Фёдку испепеляющий взгляд, Юлька выразительно скривила рот, показывая своё отношение к тракторным цехам:

— Представляю.

Пока шёл спор между дедом и Надеждой Степановной, зайцы разбежались, оставив после себя

промятые стёжки, насквозь прошивающие некошеную траву.

Трескаясь коркой под ногами, земля просила дождя.

— Спекается торф, — мимоходом заметила баба Лена, когда он расспрашивал о том, не находили ли местные жители старинного оружия на болоте, — там уже ничего не найдёшь, только сам утонешь. Хотя, — она на секунду задумалась, — время от времени тут шныряют городские парни, расспрашивают про старину. Правда, они больше иконами интересуются да старыми книгами. А у нас в деревне их и нет ни у кого. Если только на чердаках в сундуке случайно завалялись.

— А у вас завалялись?

Федькино сердчишко стукнуло от приятного предчувствия.

— У меня-то? — Розовый халатик бабы Лены колыхнулся от смеха. — Если вам интересно, то залезайте да смотрите. Что найдёте — всё ваше.

* * *

— Ещё пять минут, и мы сваримся вкрутую, как два яйца, — предупредила Фёдора Юлька, когда они шли по мосткам, настеленным на чердаке между балками.

— С мостков не сходите, — предупредила баба Лена, — потолок в одну доску положен, да и те подгнили. Ну да ничего, на мой век хватит.

Неподвижный воздух, разогретый слоем чёрного рубероида на крыше, горячим коконом обволакивал тело.

— Не хотел бы я быть курицей-гриль в духовке, — пыхтя пошутил Фёдка, представив свою кожу покрытой золотистой румяной корочкой, присыпанной солью и специями.

Из досок на потолке торчали ржавые гвозди, а из небольшого полукруглого окна в торце чердака полосами падал свет, заставляя шевелиться тени в укромных углах. Они напозали друг на друга, словно живые существа, высвобождая из своего плена то старую гармонь-трёхрядку с оторванными кнопками, то самовар с отломанными ручками.

— Винтаж, — авторитетно заявила Юлька, оценивая обломки былой жизни. — Сейчас на него самая мода.

Никакое пекло не заставило бы сестру и брата Румянцевых слезть вниз. Они чувствовали себя первооткрывателями, держащими в руках ключи от далёкого прошлого. Около самого входа остовом погибшего корабля возвышался ткацкий станок с натянутыми вертикально суровыми нитями. Рядом стояла корзина пустых деревянных катушек.

Юлька заинтересованно провела мизинцем по нитям, словно играя на арфе.

— Такие станки уже лет сто не делают, нам в музее экскурсовод рассказывал.

— Смотри, сундук!

— Где?

Протянув руку, сестра шевельнула пальцами в направлении окна. Федька прищурился. Между двумя толстыми балками был затиснут огромный сундук красного цвета, по бокам обитый металлическими полосами.

— Ух ты! Я даже мог бы на нём лечь! — восхитился Федька, пытаясь первым добраться до диковинки. Но Юлька решительно приставила ладонь к его груди:

— Твой номер последний. Я сундук увидела!

Мало того, что сундук выглядел как клад с пиратскими сокровищами, он был заперт на огромный ключ, торчащий из замка и восхитительно окутанный паутиной.

— Как серая фата, — сказала Юлька, — липкая, наверно, и с пауком. Ты смахни её, Федька.

— Сама смахивай, — недовольно буркнул Федька, но паутину смахнул, благо рядом висел непонятный инструмент вроде серпа с двумя ручками.

С поспешностью, словно сундук может испариться в тягучем воздухе, Юлька с Федькой одновременно положили руки на крышку, не решаясь приоткрыть тайну. Вблизи стало видно, что тёмно-красная поверхность дерева испещрена тонкой сетью мельчайших трещинок, а железо по краям кое-где покрыто ржавчиной. Едва различимой жёлтой лентой сундук опоясывала

надпись, затейливо выведенная крупными буквами: «Не хвались серебром, хвались добром».

Федька спросил шёпотом:

— Можно я открою? Я же пыль стряхивал.

Протянутая к ключу рука Юльки остановилась на полпути, и снисходительный голос позволил:

— Открывай.

Ключ со скрежетом лязгнул, и Федька, торжествуя, откинул крышку.

Выпирая наружу лохматым боком, из недр сундука упруго вспучилась свалывшаяся шуба из искусственного меха.

— Фу, — выдохнула Юлька с выражением разочарования, — я думала, там что-нибудь интересненькое будет.

Подумав, что в эту жару шуба как раз то, что надо, Федька вытащил её наружу, чуть не задохнувшись от крепкого запаха какой-то травы, которой были переложены упакованные стопками вещи.

Смешные туфли с гнутыми каблуками, две разномастные галоши, одна из которых почему-то была красная, три рваных шали, отрез тюля в чернильных пятнах и картонная коробка из-под обуви, в которой лежал серый фарфоровый слон с гравировкой на боку: «Лене от Оли в день окончания школы». Больше в сундуке ничего не было.

Осторожно вытащив статуэтку слона, Федька взял её двумя руками за бока, поднеся к свету, и, глядя на серый фарфор, вспомнил тесную

однокомнатную квартирку, наполненную газом, и взмах лапы нахального кота.

— Да ведь этот слон такой же, какой разбил-ся у соседки! — пробормотал Фёдька, предположив, что в прошлом веке магазины страны были заполнены стадами слонов, слоних и слоников.

— Давай поставим бабе Лене на комод. Наверное, она о нём забыла!

— Поставь, — равнодушно сказала Юлька, — кому нужна эта дребедень!

Но вдруг поднесла палец к губам, призывая к тишине. Юлькин взгляд был направлен в окно поверх Фёдькиной головы, а чтобы лучше видеть, она встала на цыпочки.

— Смотри, смотри...

Широко распахнутые глаза Юльки подчёркивали написанное на лице оживление, которое вызывалось тем, что было за окном.

— Мне не видно, скажи, что там? — Капля пота с Фёдькиного лба упала на фарфоровую статуэтку в коробке и медленно соскользнула вниз.

— Дом за забором... — Юлька снова привстала, держась за раму, и притиснула нос к стеклу. — Этот особняк отсюда видно как на тарелочке.

* * *

Немыслимый пируэт был достоин ведущей балерины Большого театра, и Фебина голова оказалась почти вровень с Юлькиной. Сестра не соврала:

с чердака бабы Лены отлично просматривался дом, спрятанный за глухим двухметровым забором.

Высокая трёхэтажная дача из красного кирпича с круглой башенкой и витым балкончиком напоминала замок лорда, перенесённый сюда прямо из Англии. Ровные дорожки, выложенные плитам, плавно обтекали крошечный пруд с пенистым водопадом и альпийской горкой. Разительный контраст с избёнками Подболотья довершало кресло-качалка под полосатым тентом, расположенное посреди изумрудного газона.

— Вот это да! — От увиденного великолепия, похожего на декорацию из голливудских фильмов, у Федыки округлился рот, и он, мельком взглянув на Юльку, понял, что она поражена не меньше.

Стоять, тесно прижавшись друг к другу, было неудобно. Чтобы уместиться у узкого оконного проёма, Федыке пришлось разуться и встать в сундук босыми ногами, почувствовав, как под пятками шуршат пожелтевшие газеты.

— А вот и хозяйка! Жаль, что у нас нет бинокля, — нежно промурлыкала Юлька.

Чтобы лучше видеть, она приставила ладони к глазам и всем корпусом привалилась к стеклу, рискуя выдавить его наружу.

— Где? Где хозяйка?

— Да вон, смотри внимательнее. Вышла.

Напрягая зрение, Федыка сумел рассмотреть женскую фигуру в длинном белом платье,

которая царственно подплыла к шезлонгу и села в кресло. Хотя издалека дама вырисовывалась нечётко, стало понятно, что одной рукой она обмахивается веером, а в другой держит книжку.

Что-то во всей этой мирной картине было неправильное, фальшивое, игрушечное. Некоторое время в особняке ничего не происходило и дама спокойно читала. Но время шло к обеду, и Фёдке стало скучно. Чего зря тарашиться на незнакомую тётку? Да и некрасиво подглядывать. Прежде он думал, что за забором какая-то особая тайна: танк, например, стоит, или это секретный объект с вооружённой охраной, а хозяйка плетёт шпионский заговор, как в крутых боевиках. Уж тогда Фёдка сумел бы проявить себя. А потом его наградили бы орденом. Посмертно...

— Пошли, Юлька, пора обедать.

Отлепив от газеты прилипшие пятки, Фёдор уже собрался вылезать, как вдруг Юлька прокомментировала:

— А вот и гости.

Дёрнувшись от вновь вспыхнувшего любопытства, Фёдка успел ухватить, как к забору особняка подкатил чёрный джип с прозрачным люком на крыше и, подчиняясь электронному приказу, ворота плавно отъехали в сторону.

Теперь женщина была не одна: рядом с ней стоял высокий мужчина в цветных шортах. Фёдка не успел заметить, откуда он взялся, но мужчина подошёл к водителю джипа и пожал ему руку.

— Жалко, что нам не слышно, о чём они говорят, — пробормотала Юлька сквозь зубы. — Хотя вообще-то я не сую нос в чужие дела, но похоже, что они ссорятся.

Она с такой силой прижала лоб к стеклу, что на его пыльной поверхности остался чёткий отпечаток в форме полумесяца, а на Юлькиных бровях — пушистый сероватый налёт. В нетерпении забарабанив пальцами по деревянной раме, Юлька заставила сонного паука резко засучить лапами по паутине.

Шпионский азарт сестры затягивал, и когда женщина на лужайке, резко размахнувшись, дала мужчине в шортах пощёчину, Федька вскрикнул:

— Драка!

Теперь они с Юлькой, стучаясь головами, едва не выдавливали стекло, то и дело сообщая друг другу новости, забыв, что оба видят одно и то же. Драма, разворачивающаяся на лужайке, была достойна кинематографа. Наверное, заборная дама не отличалась особой силой, потому что после пощёчины мужчина в шортах лишь потёр щеку рукой. Зато другой, на джипе, резко развернулся и, оттолкнув женщину, что-то сказал пострадавшему. Тот кивнул головой и снова подошёл к хозяйке.

Глядя на отрицательный жест руки, Федька мог бы поклясться, что женщина сказала «нет». Её поза говорила о презрении к противнику. Мужчина повернулся, сплюнул на землю и скрылся в доме.